DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-2-5
JEL Classification: H11

Совершенствование контрольно-надзорной деятельности на основе оценки мотивации бизнеса к соблюдению требований регулирования

Е.И. Добролюбова[1]

[1] Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Москва, РФ

Аннотация. Контрольно-надзорная деятельность является одним из важных направлений российского государственного управления. Успешность ее реализации во многом зависит от учета факторов, способствующих соблюдению подконтрольными субъектами норм законодательства. В статье рассмотрены мотивы частных хозяйствующих субъектов к выполнению требований регулирования, выявленные на основе результатов репрезентативного опроса, и определены направления развития контрольно-надзорной деятельности в России. Методологической основой работы стали теоретические модели государственного контроля: «карательная» и риск-ориентированная, а также модели сотрудничества и «процедурной справедливости». Посредством корреляционного анализа установлены ключевые факторы выполнения российским предпринимательским сообществом обязательных требований: согласие с результатами проверки, трудозатраты в связи с ее проведением и осуществление неформальных платежей. Показано, что уровень соблюдения законодательства зависит и от оценки сложности и адекватности государственного регулирования. Полученные данные свидетельствуют о неэффективности традиционной «карательной» модели, ориентированной на значительный охват подконтрольных субъектов проверками. Совершенствование контрольно-надзорной деятельности в России должно опираться на реализацию риск-ориентированного подхода, предупреждение коррупции, снижение административных издержек бизнеса и оптимизацию действующих обязательных требований в рамках «регуляторной гильотины».

Ключевые слова: государственное регулирование; бизнес; контрольно-надзорная деятельность; мотивы; соблюдение требований.

Финансирование: Статья подготовлена в рамках выполнения научно-исследовательской работы государственного задания РАНХиГС.

Дата поступления статьи: 11 января 2021 г.

Ссылка для цитирования: Добролюбова Е.И. (2021). Совершенствование контрольно-надзорной деятельности на основе оценки мотивации бизнеса к соблюдению требований регулирования // Управленец. Т. 12, № 2. С. 63–73. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-2-5.

Improving regulatory enforcement and inspection activities based on evaluation of business motives behind regulatory compliance

Elena I. Dobrolyubova[1]

[1] The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Moscow, Russia

Abstract. Regulatory enforcement is one of the important areas of public administration in Russia. Its successful implementation is largely determined by the key factors influencing the level of business regulatory compliance. The paper identifies the key motives of voluntary compliance with regulatory norms and establishes the areas for improvement in regulatory enforcement activities in Russia based on the empirical data obtained from a representative survey of private businesses in Russia. Methodologically, the paper relies on theoretical regulatory enforcement models such as deterrence-based enforcement, risk-based enforcement, cooperative enforcement and procedural justice model. Using correlation analysis, we identify the key factors of regulatory compliance in Russia: compliance with the results of inspection, labor costs incurred in the implementation of inspection, and informal payments. The article demonstrates that regulatory compliance also correlates with business perceptions of complexity and adequacy of the regulatory framework. The results of the analysis suggest that the traditional deterrence-based enforcement model involving significant number of business inspections is ineffective in Russia. The key areas of improvement in regulatory enforcement in Russia include implementing the risk-oriented approach, combating corruption, reducing administrative costs, and radical optimization of regulatory requirements as part of the 'regulatory guillotine' efforts.

Keywords: public administration; business; regulatory enforcement; motives; regulatory compliance.

Funding: The paper was prepared within the framework of the RANEPA state assignment research programme.

Paper submitted: January 11, 2021

For citation: Dobrolyubova E.I. (2021). Improving regulatory enforcement and inspection activities based on evaluation of business motives behind regulatory compliance. *Upravlenets – The Manager*, vol. 12, no. 2, pp. 63–73. DOI: 10.29141/2218-5003-2021-12-2-5.

ВВЕДЕНИЕ

Совершенствование контрольно-надзорной деятельности (далее – КНД) – ключевое направление повышения качества российского государственного управления. Несмотря на значительное внимание, уделяемое этому направлению (включая выполнение приоритетной программы «Реформа контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации»[1]), результаты его реализации оцениваются весьма сдержанно как бизнес-сообществом[2], так и гражданами [Южаков и др., 2019]. Анализ статистики государственного контроля (надзора) показывает, что реформирование не повлияло ни на частоту выявления нарушений обязательных требований, ни на характер таких нарушений[3]; не очевидно и влияние реформы на снижение случаев причинения вреда охраняемым законом ценностям [Масленникова и др., 2020, с. 90].

Возникает закономерный вопрос о том, в какой степени КНД государства стимулирует соблюдение бизнесом законодательных норм. Для ответа на этот вопрос важно выявить мотивы выполнения этих норм предпринимательским сообществом.

Цель исследования – обосновать направления развития КНД в России с учетом мотивации российских хозяйствующих субъектов к добровольному соблюдению установленных обязательных требований при осуществлении предпринимательской деятельности.

Для достижения данной цели решены следующие задачи. Выделены основные теоретические модели КНД, представленные в научной литературе, и сформулированы предположения о том, какие факторы способствуют соблюдению бизнес-сообществом обязательных требований. Проведен социологический опрос хозяйствующих субъектов и на основе полученных данных выполнен корреляционный анализ, позволивший выявить значимые мотивы соблюдения бизнесом обязательных требований (как в целом по всем видам КНД, так и в разрезе наиболее массовых видов государственного контроля (надзора)). В заключении обозначены перспективные направления совершенствования КНД в России.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ГОСУДАРСТВА

КНД государства является важным инструментом обеспечения соблюдения гражданами и бизнесом требований законодательства в самых различных сферах. В литературе выделяются три основные модели КНД[4], различающиеся в зависимости от мотивов соблюдения обязательных требований подконтрольными субъектами [Blanc, Faure, 2020].

Согласно «карательной» модели (или модели «запугивания»), основанной на работах Г. Бекера [Becker, 1968], ключевым драйвером выполнения требований является риск наказания. Предполагается, что применение жестких санкций к нарушителям становится показательным примером и для других подконтрольных субъектов, и это положительно влияет на общий уровень соблюдения законодательства. Соответственно, поведение подконтрольных субъектов рассматривается исходя из тяжести наказания за нарушение и вероятности выявления этого нарушения [Шаститко, Плаксин, 2013]. Однако реализация данной модели может вызывать ряд проблем, в том числе сопротивление регуляторам и формальное отношение к требованиям, не позволяющее достичь конечных целей регулирования [Boyne et al., 2002].

Модель сотрудничества противоположна «карательной» модели и предполагает, что зачастую нарушения вызваны недостаточной информированностью о наличии обязательных требований. Данное предположение подкрепляется и результатами эмпирических исследований [Monk, 2012]. В рамках модели сотрудничества основное внимание уделяется стимулированию добровольного соблюдения законодательства и объединению усилий контрольно-надзорных органов и подконтрольных субъектов. Развитием подобного подхода является обоснование снижения административных издержек, связанных с контрольно-надзорными мероприятиями, в рамках реализации концепции «неразрушающего контроля» [Астафурова и др., 2016]. Основной риск этой модели – чрезмерно «мягкое» и, следовательно, неэффективное регулирование [Parker, 2006]. Среди рисков следует отметить и потенциальную коррупциогенность индивидуализации подходов к контролю за соблюдением требований разными подконтрольными субъектами.

Согласно третьей модели КНД, которая основывается на принципах «процедурной справедливости», для хозяйствующих субъектов значимыми факторами являются отсутствие дискриминации и возможность защиты своих законных прав и интересов. Беспристрастное и справедливое отношение государственных органов вызывает уважение и выступает более мощным мотивом к соблюдению обязательных требований, чем наказание [Tyler, 2006]. Данная модель применяется как в отношении судебных [Валицкас, Юстицкис, 2006] и правоохранительных органов [Worden, McLean, 2017], так и в отношении КНД, в том числе в сфере нало-

[1] URL: http://government.ru/projects/selection/655/25930/.

[2] Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации: аналитический доклад (2018). Москва: НИУ ВШЭ, РСПП, 2019. С. 40. URL: https://conf.hse.ru/mirror/pubs/share/263119916.

[3] Контрольно-надзорная и разрешительная деятельность в Российской Федерации аналитический доклад (2019). Москва: НИУ ВШЭ, РСПП, 2020. URL: http://www.goskontrol-rspp.ru/upload/iblock/4dd/Report2019.pdf?fbclid=IwAR0Q2loPesYLtP31LNZiB4MptNnXopQS12kB6DznBiGefrIj_kuggSvv2eY.

[4] Исследования теоретических положений КНД проводились в основном за рубежом, работы авторов из России достаточно редки.

гового контроля [Murphy, 2005]. К ее недостаткам следует отнести игнорирование экономических мотивов в действиях хозяйствующих субъектов. Эмпирические исследования показали неоднозначность оценки подконтрольными субъектами степени справедливости проверок соблюдения требований природоохранного законодательства [Earnhart et al., 2020].

При всех различиях достоинств и недостатков указанные теоретические модели имеют одно общее ограничение: в качестве результата рассматривается факт соблюдения обязательных требований, а не достижение конечных целей регулирования, что далеко не всегда тождественно. Так, при несовершенстве самих норм регулирования выполнение требований может не приводить к желаемому социальному результату. Формальный подход к проверкам и соблюдению законодательства также не приводит к значимому снижению частоты и масштабов причинения вреда. Согласно выводам исследователей, формализация контроля на основе внедрения чек-листов не влияет на итоги проверок, тогда как классификация нарушений по степени воздействия на риски причинения вреда значительно повышает результативность контрольно-надзорных мероприятий [Ho et al., 2018].

Еще одним важным ограничением рассматриваемых моделей является статичный подход к оценке уровня соблюдения законодательных норм. Между тем установлено, что выполнение обязательных требований одной и той же организацией может существенно изменяться в зависимости от самых разных факторов, и его следует рассматривать в динамике [Wu, van Rooij, 2019]. Логично предположить, что и модель КНД также должна включать в себя динамические факторы, позволяющие варьировать используемые инструменты в зависимости от уровня добровольного выполнения требований.

В целом результаты теоретических и эмпирических исследований свидетельствуют о необходимости объединения отдельных элементов рассмотренных моделей КНД и применения гибкого регулирования [Bardach, Kagan, 2017], в частности основанного на оценке рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям в результате деятельности хозяйствующих субъектов [Blanc, 2018]. Гибкость регулирования требует и дифференциации подходов к контролю различных типов предприятий, в том числе предприятий малого и среднего бизнеса [Salguero-Caparrós, 2020] и особенно микропредприятий [Hagqvist et al., 2020]. Ориентация КНД на минимизацию рисков позволяет более рационально использовать ресурсы государства путем концентрации усилий органов государственного контроля на этом направлении [Кунин, Упорова, 2019], а также снижать издержки бизнеса, связанные с избыточными проверочными мероприятиями.

Внедрение риск-ориентированного подхода к государственному контролю (надзору), в более широком контексте рассматриваемое как «умное регулирование», стало одним из ключевых направлений реформ КНД в европейских странах [Maudoux et al., 2006; Demeritt et al., 2015; Almond, Esbester, 2018], США [Wallace, Oria, 2010], Новой Зеландии [Samasoni, Rotimi, 2016], некоторых развивающихся странах [Shukla et al., 2018] и легло в основу рекомендаций ОЭСР по совершенствованию регулирования и правоприменения[1].

Данные подходы повлияли и на дизайн российской реформы КНД, основная цель которой заключается в минимизации рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям [Чаплинский, Плаксин, 2016] при одновременном снижении уровня административных издержек бизнеса и повышении качества администрирования контрольно-надзорных функций. Таким образом, ключевой задачей совершенствования КНД в России является переход от традиционной «карательной» модели к риск-ориентированной модели осуществления государственного контроля, с реализацией которой связаны основные надежды на повышение результативности КНД в стране в целом [Ноздрачев и др., 2017] и в отношении отдельных видов государственного контроля (надзора) [Поздняков, 2018].

Однако в какой степени риск-ориентированная модель КНД соответствует превалирующим мотивам бизнеса к соблюдению обязательных требований? При значительном внимании российских ученых к проблемам повышения результативности КНД до настоящего времени изучение ключевых мотивов соблюдения законодательства отечественными хозяйствующими субъектами имело преимущественно теоретический характер. Отдельные количественные исследования ориентировались на оценку последствий проверок контрольно-надзорными органами деятельности хозяйствующих субъектов, в том числе их влияния на прибыльность предприятий [Скугаревский и др., 2016] и динамику числа зарегистрированных хозяйствующих субъектов [Добролюбова, Шемончук, 2020]. В данной статье предполагается восполнить этот пробел и оценить приоритетность реализации направлений совершенствования КНД, характеризующих те или иные теоретические модели государственного контроля, в российских условиях исходя из факторов, влияющих на уровень соблюдения хозяйствующими субъектами установленных законодательных требований.

ИНФОРМАЦИОННАЯ БАЗА И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Источником данных для исследования послужил социологический опрос 1 000 хозяйствующих субъектов, проведенный РАНХиГС в марте 2020 г. в 28 российских регионах. Респондентами стали представители частных организаций и индивидуальных предпринима-

[1] OECD. Regulatory Enforcement and Inspections, OECD Best Practice Principles for Regulatory Policy (2014). Paris: OECD Publishing.

УПРАВЛЕНЕЦ 2021. Том 12. № 2

телей (руководители и их заместители, руководители финансово-бухгалтерских или юридических подразделений либо специалисты, занимающиеся взаимодействием с органами государственной власти), в отношении которых в 2018–2019 гг. была проведена как минимум одна проверка (за исключением проверок налоговыми органами).

Индивидуальное предпринимательство представляли 48,3 % респондентов, организации малого бизнеса – 41,7 %, среднего бизнеса – 6,4 %; крупного бизнеса – 3,6 %. Включенные в состав выборки частные хозяйствующие субъекты осуществляют различные виды экономической деятельности: 31,2 % респондентов работают в сфере торговли, 9,2 % – на промышленных предприятиях, 8,9 % – в строительных организациях; 8,9 % опрошенных заняты операциями с недвижимым имуществом, 6,2 % – оказанием транспортных услуг, 5,3 % – оказанием услуг общественного питания, 30,3 % – иными видами деятельности. Опрос проводился методом анкетирования «лицом к лицу». Методика исследования и основные результаты аналогичного социологического опроса, проведенного в 2017 г., опубликованы в статье В.Н. Южакова и соавторов [2017].

Для выявления значимых факторов соблюдения обязательных требований законодательства использован корреляционный анализ полученных результатов. Поскольку исходными данными являлись ответы респондентов на вопросы анкеты с ограниченным числом вариантов, для оценивания степени взаимосвязи использовались корреляционные коэффициенты гамма (γ).

При установлении уровня соблюдения бизнесом обязательных требований учитывались оценки респондентами:

- наличия и значимости нарушений, выявленных в рамках последней проверки контрольно-надзорными органами (Y_1) (показатель принимает значения 0 (нарушения не выявлены), 1 (выявлены нарушения, не связанные с риском причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу, иным охраняемым законом ценностям) и 2 (нарушения выявлены, как минимум часть из них представляют потенциальную угрозу причинения вреда). Среднее значение показателя по выборке составило 0,58 (табл. 1). В целом по итогам опроса нарушения были выявлены в деятельности 51 % респондентов, из них 6,7 % отметили, что такие нарушения могут привести к причинению вреда;
- степени устранения нарушений (Y_2) (данный показатель принимает значения от 1 (нарушения не устранены) до 5 (нарушения устранены полностью)). Среднее значение по выборке составило 4,4. В целом по итогам опроса полностью устранили нарушения 71,4 % опрошенных, сообщивших о выявлении нарушений по итогам последней проверки; 25,7 % отметили частичное устранение нарушений, 2 % – неустранение, 0,9 % затруднились ответить.

Факторы, от которых зависит соблюдение бизнесом обязательных требований, были определены с учетом рассмотренных теоретических моделей КНД, а также оценок респондентами качества регулирования в соответствующей сфере (рисунок).

Все модели КНД
- сложность исполнения обязательных требований (X_1);
- достаточность и необходимость обязательных требований (X_2)

«Карательная» модель
- количество проверок, проведенных в отношении хозяйствующего субъекта (X_3);
- изменение интенсивности КНД (X_4)

Модель сотрудничества
- уровень информированности о требованиях (X_5);
- трудозатраты, связанные с проведением проверки (X_6)

Модель «процедурной справедливости»
- согласие с результатами проверки (X_7);
- наличие неформальных платежей (X_8)

Риск-ориентированная модель
- средняя оценка влияния вида государственного контроля на минимизацию рисков (X_9);
- оценка влияния последней проверки на изменение безопасности (X_{10});
- согласие с присвоенной категорией (группой) риска (X_{11})

Факторы влияния на соблюдение хозяйствующими субъектами требований законодательства в зависимости от модели КНД

Factors influencing regulatory compliance relevant for various regulatory enforcement models

При реализации любой из моделей КНД значимы факторы оценки респондентами сложности соблюдения обязательных требований (значения фактора от 1 («совсем не сложно») до 5 («крайне сложно или невозможно»); среднее значение составляет 2,81) и достаточности и необходимости установленных обязательных требований (фактор равен 1, если респонденты считают, что обязательные требования необходимы и достаточны, или 0, если они придерживаются иной позиции, т. е. считают требования избыточными, недостаточными, затрудняются ответить). Согласно итогам опроса, 55,5 % респондентов признали установленные требования регулирования необходимыми и достаточными, 35 % – избыточными, 2,2 % – недостаточными; затруднились дать оценку 7,3 % опрошенных.

«Карательная» модель предусматривает значительный охват проверками подконтрольных субъектов. Соответственно, для ее характеристики использованы факторы, отражающие количество проверок, проведенных в отношении хозяйствующего субъекта в 2018–2019 гг., и оценка респондентами изменения интенсивности КНД, принимающая значение 1, если отмечено снижение общего количества контрольно-надзорных мероприятий за последние 5 лет; 2 – если

не зафиксировано изменений или 3 – если сообщается об увеличении числа таких мероприятий. Среднее значение данного фактора составляет 2,04: большинство респондентов (53,8 %) сообщают, что общее число контрольно-надзорных мероприятий не меняется.

Внедрение модели сотрудничества целесообразно, если на уровень соблюдения требований законодательства оказывают значительное влияние два фактора:

- степень информированности хозяйствующих субъектов о данных требованиях (в соответствии с ответами респондентов фактор принимает значения от 1 («очень низкий уровень информированности») до 5 («высокий уровень информированности»); в среднем по выборке уровень информированности составляет 3,46);
- трудозатраты, связанные с проведением проверки (в среднем по выборке – 5,39 человеко-дня).

Факторы эффективности применения модели «процедурной справедливости» включают:

- степень согласия хозяйствующих субъектов с результатами проверки (принимает значения от 1 («совсем не согласен») до 5 («полностью согласен»), в среднем по выборке равен 4,07);
- наличие неформальных платежей при проведении проверок (этот факт отметили 11,4 % опрошенных).

Для оценки приемлемости риск-ориентированной модели используются три фактора, которые, как предполагается, могут воздействовать на уровень соблюдения бизнесом обязательных требований:

- средняя оценка влияния вида государственного контроля на минимизацию рисков, рассчитываемая как среднее арифметическое оценок респондентами влияния рассматриваемого вида КНД на минимизацию рисков причинения вреда жизни и здоровью граждан, имуществу граждан и организаций, их законным правам и интересам, окружающей среде и культурным ценностям. Оценка по каждому риску равна 5 (если данный вид КНД, по мнению респондентов, приводит к снижению соответствующего риска), 3 (если влияние отсутствует) и 1 (если данный вид КНД приводит к росту риска причинения вреда);
- оценка влияния последней проверки на изменение безопасности, принимающая значение 1, если опрошенные считают, что проверка положительно повлияла хотя бы на один из следующих параметров: безопасность продукции, безопасность производственных процессов и безопасность производственных объектов, либо 0 в остальных случаях (среднее значение фактора по выборке составляет 0,40);
- согласие с присвоенной категорией (группой) риска. Фактор равен 1, если респондент согласен с присвоенной в рамках анализируемого вида КНД группой (категорией) риска, 0 – если не согласен. Ответы отметивших отсутствие категории риска либо не знающих о присвоении такой категории не учитывались.

Описательная статистика рассмотренных факторов и результирующих показателей приведена в табл. 1.

Все рассматриваемые факторы, за исключением показателей интенсивности КНД государства, характеризуют опыт респондентов, связанный с проведением последней проверки их деятельности контрольно-надзорными органами, и дифференцированы по наиболее массовым видам государственного контроля (надзора), выявленным в рамках социологического опроса (к таким видам отнесены санитарно-эпидемиологический надзор и надзор в сфере защиты прав потребителей (N = 309); противопожарный надзор (N = 305) и надзор за соблюдением законодательства в сфере трудовых отношений (N = 201)).

Таблица 1 – Описательная статистика показателей соблюдения хозяйствующими субъектами требований законодательства и факторов влияния на эти показатели
Table 1 – Descriptive statistics of regulatory compliance indicators and possible factors influencing the compliance level

Показатель	Значение показателя							
	Среднее	N	Медиана	Мода	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации
Сложность исполнения обязательных требований (X_1)	2,81	1 000	2	2	1	5	1,27	1,60
Достаточность и необходимость обязательных требований (X_2)	0,55	981	1	1	0	1	0,50	0,25
Количество проверок, проведенных в отношении хозяйствующего субъекта (X_3)	4,74	1 000	3	2	1	180	8,45	71,38
Изменение интенсивности КНД (X_4)	2,04	1 000	2	2	1	3	0,63	0,39
Уровень информированности (X_5)	3,46	1 000	4	4	1	5	1,28	1,64
Согласие с результатами проверки (X_6)	4,07	1 000	4	5	1	5	1,15	1,33
Трудозатраты, связанные с проведением проверки (X_7)	5,39	861	2	1	1	180	12,10	146,30
Наличие неформальных платежей (X_8)	0,13	1000	0	0	0	3	0,37	0,13

Окончание табл. 1
Table 1 (concluded)

Показатель	Значение показателя							
	Среднее	*N*	Медиана	Мода	Минимум	Максимум	Стандартное отклонение	Коэффициент вариации
Средняя оценка влияния вида КНД на минимизацию рисков (X_9)	3,45	1000	3,4	3,0	1,0	5,0	0,68	0,46
Оценка влияния последней проверки на изменение безопасности (X_{10})	0,40	1000	0	0	0	1	0,49	0,24
Согласие с присвоенной категорией (группой) риска (X_{11})	0,83	411	1	1	0	1	0,37	0,14
Наличие и значимость нарушений (Y_1)	0,58	1000	1	0	0	2	0,62	0,38
Степень устранения нарушений (Y_2)	4,40	505	5	5	1	5	1,00	1,00

АНАЛИЗ РЕЗУЛЬТАТОВ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРИМЕНЕНИЯ ОСНОВНЫХ МОДЕЛЕЙ КОНТРОЛЬНО-НАДЗОРНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В рамках корреляционного анализа по всем видам государственного контроля (надзора) выявлена статистически значимая взаимосвязь исследуемых факторов с наличием и значимостью нарушений, а также со степенью их устранения (табл. 2).

Результаты корреляционного анализа демонстрируют, что сложность и адекватность обязательных требований влияют на уровень их соблюдения. Так, рост оценки указанной сложности положительно коррелирует с частотой и серьезностью нарушений ($\gamma = 0{,}327$) и имеет обратную связь со степенью устранения нарушений, выявленных в ходе проверки ($\gamma = -0{,}263$), тогда как оценка установленных обязательных требований как необходимых и достаточных, напротив, соотносится со снижением частоты и значимости нарушений таких требований ($\gamma = -0{,}278$) и ростом степени их устранения ($\gamma = 0{,}322$). Статистически значимые коэффициенты корреляции показателей, характеризующих сложность и адекватность обязательных требований, с уровнем соблюдения законодательства отмечаются и в разрезе наиболее массовых видов государственного контроля.

Взаимосвязь между оценкой простоты соблюдения требований респондентами и частотой выявления нарушений в их деятельности обнаруживают и показатели сопряженности. Так, если в целом по выборке в результате последней проверки нарушения были зафиксированы у 51 % опрошенных, то среди тех, кто признает выполнение обязательных требований сложным или невозможным, нарушения выявлялись в 66,3 % случаев, а среди тех, кто считает такое исполнение скорее простым или очень простым, – в 41,9 % случаев. По результатам последней проверки были выявлены нарушения у 43,4 % респондентов, признающих установленные обязательные требования достаточными и необходимыми для минимизации рисков причинения вреда, и у 60,1 % опрошенных, оценивающих действующее регулирование как неадекватное существующим рискам (чаще всего избыточное).

Таблица 2 – Взаимосвязь исследуемых факторов с уровнем соблюдения обязательных требований (значения γ)
Table 2 – Correlation of the studied factors with the level of regulatory compliance (γ coefficients)

Фактор	В целом по всем видам КНД, *N* = 1000		Санитарно-эпидемиологический надзор, *N* = 309		Противопожарный надзор, *N* = 305		Надзор в сфере трудовых отношений, *N* = 201	
	Y_1	Y_2	Y_1	Y_2	Y_1	Y_2	Y_1	Y_2
X_1	0,327*	–0,263*	0,383*	–0,326*	0,394*	–0,141	0,146	–0,346*
X_2	–0,278*	0,322*	–0,018	0,296*	–0,369*	0,201	–0,385*	0,346*
X_3	0,143*	–0,167*	0,162*	–0,201	0,081	–0,116	0,155	–0,171
X_4	0,119*	–0,019	0,102	–0,230	0,154	–0,258	0,113	0,189
X_5	–0,120*	–0,02	–0,114	0,090	–0,091	0,062	–0,127	0,096
X_6	0,426*	–0,152*	0,334*	–0,128	0,522*	–0,127	0,319*	–0,057
X_7	–0,567*	0,492*	–0,461*	0,470*	–0,641*	0,445*	–0,469*	0,556*
X_8	0,418*	–0,386*	0,308*	–0,344	0,346*	–0,325	0,057	–0,882*
X_9	0,155*	0,180*	0,245*	0,143	0,176*	0,173	0,274*	0,049
X_{10}	0,287*	0,197*	0,370*	0,175	0,219*	0,394	0,398*	–0,194
X_{11}	–0,001	0,545*	0,261	0,624*	–0,124	0,401	–0,751*	0,726*

Примечание: * – коэффициент корреляции является значимым при $p = 0{,}01$.

Факторы, присущие «карательной» модели (общее число проверок и оценка изменения интенсивности КНД), коррелируют с показателями степени соблюдения законодательства весьма слабо и в большинстве случаев не значимы в разрезе отдельных видов государственного контроля (надзора). Соответственно, можно сделать вывод о неэффективности моделей КНД, предусматривающих значительный охват проверками подконтрольных субъектов. Данный вывод соответствует и результатам зарубежных исследований [Blanc, Faure, 2020].

Анализ влияния факторов, отнесенных нами к модели сотрудничества, на уровень соблюдения обязательных требований привел к нетривиальным результатам. Так, корреляционная взаимосвязь между ростом информированности о требованиях и частотой нарушений (в целом по всем видам КНД) является статистически значимой, но весьма слабой ($\gamma = -0{,}120$). Статистически значимая взаимосвязь между информированностью бизнес-сообщества и устранением выявленных нарушений отсутствует. Корреляционная зависимость между информированностью и соблюдением законодательства в разрезе наиболее массовых видов государственного контроля (надзора) не выявлена. Таким образом, значение информированности о законодательных нормах как основополагающем мотиве следования принципам сотрудничества преувеличено, по крайней мере в российском контексте.

Более значимым показателем, коррелирующим с наличием и уровнем устранения нарушений, являются трудозатраты в связи с проведением проверки. Их рост ассоциируется с увеличением частоты и серьезности нарушений, особенно в рамках противопожарного надзора ($\gamma = 0{,}522$). Такая зависимость может объясняться увеличением срока проведения проверок в случаях выявления нарушений, особенно представляющих угрозу причинения вреда охраняемым законом ценностям. Отметим, что показатель трудозатрат коррелирует и с факторами, отражающими реализуемость ($\gamma = 0{,}310$) и адекватность ($\gamma = -0{,}321$) обязательных требований: чем выше трудозатраты хозяйствующих субъектов, связанные с проведением проверок контрольно-надзорными органами, тем чаще они отмечают сложность исполнения установленных требований и реже оценивают эти требования как необходимые и достаточные для минимизации рисков причинения вреда от хозяйственной деятельности. В данном контексте снижение административных издержек, связанных с КНД государства, может рассматриваться как важное направление стимулирования добровольного соблюдения законодательства, что соответствует подходам, обоснованным в рамках модели сотрудничества.

Результаты корреляционного анализа подтверждают и значимость мотивов, выдвигаемых сторонниками модели «процедурной справедливости». Так, выявлена не только обратная взаимосвязь согласия с итогами проверки и частоты нарушений (что ожидаемо: респонденты, в деятельности которых не обнаружено нарушений, как правило, полностью согласны с результатами проверки), но и прямая взаимосвязь согласия с результатами проверки и степенью устранения нарушений ($\gamma = 0{,}492$). В сфере проверок в рамках надзора за соблюдением трудовых отношений этот коэффициент еще выше и составляет 0,556.

Данная взаимосвязь может быть проиллюстрирована и показателями сопряженности. В среднем по выборке полностью устранили выявленные нарушения 71,4 % хозяйствующих субъектов, при этом в группе допустивших нарушения, но в той или иной мере согласных с результатами проверки, этот показатель составил 78,3 %, а в группе не согласных с этими результатами – лишь 52,3 %.

Еще один фактор «процедурной справедливости» – беспристрастность сотрудников контрольно-надзорных органов, проявляющаяся в том числе в отсутствии неформальных платежей. Корреляционный анализ показал, что наличие таких платежей напрямую соотносится с частотой и значимостью нарушений ($\gamma = 0{,}418$) и имеет обратную связь со степенью их устранения ($\gamma = -0{,}386$). Так, если в среднем по выборке нарушения по итогам последней проверки были выявлены у 51 % опрошенных и полностью устранили эти нарушения 71,4 %, то в группе респондентов, отметивших наличие неформальных платежей, частота нарушений составила 69 %, а показатель их устранения существенно ниже среднего – 56,3 %.

Наиболее ярко обратная связь коррупции и степени устранения выявленных нарушений проявляется в отношении надзора в сфере соблюдения трудовых прав ($\gamma = -0{,}882$). Таким образом, успешная реализация мер по противодействию коррупции – важное направление совершенствования КНД, способствующее повышению уровня соблюдения законодательства.

Интересные результаты получены по итогам анализа взаимосвязи оценки респондентами влияния КНД государства на риски причинения вреда и уровень соблюдения законодательства. Установлено, что с ростом оценок степени общего влияния КНД на минимизацию рисков причинения вреда, а также влияния последней проверки на безопасность продукции, производственных объектов и процессов степень устранения нарушений повышается. Однако данные факторы положительно коррелируют и с частотой и значимостью нарушений, особенно в сфере санитарно-эпидемиологического надзора и контроля за соблюдением прав потребителей, а также надзора за выполнением норм законодательства в сфере трудовых отношений.

Такие данные, на наш взгляд, иллюстрируют «обучающий» эффект КНД государства: при выявлении нарушений в деятельности организаций, особенно потенциально представляющих угрозу причинения вреда,

респонденты чаще отмечают реальное влияние государственного контроля (надзора) в целом и отдельной проверки на уровень рисков. Если же нарушения не были обнаружены, влияние КНД государства, по мнению респондентов, ниже. Таким образом, подтверждается важность внедрения риск-ориентированных подходов к планированию и проведению контрольно-надзорных мероприятий, направленных, прежде всего, на выявление и обеспечение устранения наиболее существенных нарушений. Значимая корреляция между согласием респондентов с присвоенной их предприятию (объекту) категорией (группой) риска и степенью устранения нарушений (γ = 0,545) также свидетельствует о важности внедрения риск-ориентированной модели КНД.

Следует отметить, что степень корреляции исследуемых факторов и фактического уровня соблюдения обязательных требований различается в зависимости от вида КНД. Так, согласие с присвоенной категорией риска показывает достаточно сильную взаимосвязь с уровнем устранения выявленных нарушений санитарно-эпидемиологического или трудового законодательства, но не связано с устранением нарушений в области противопожарного надзора. Признание адекватными требований в сферах противопожарной безопасности и трудовых отношений способствует снижению частоты и значимости нарушений, однако аналогичная закономерность не прослеживается в области санитарно-эпидемиологических требований. Это обстоятельство позволяет предположить, что мотивация хозяйствующих субъектов к соблюдению законодательства различна в разных сферах деятельности, вследствие чего необходима адаптации отраслевых моделей КНД с учетом значимости определенных факторов. Соответственно, перечень наиболее актуальных направлений совершенствования КНД может различаться в зависимости от конкретного вида государственного контроля (надзора).

Проведенное исследование имеет объективные ограничения. Например, в силу отсутствия данных в состав изучаемых факторов не были включены показатели, отражающие уровень доверия представителей бизнеса органам государственного контроля (надзора), которые, как отмечено в некоторых публикациях, могут воздействовать на результативность КНД [Vainio et al., 2014; He, Han, Liu, 2019] и уровень соблюдения законодательства, по крайней мере в сфере налогового контроля [Masud et al., 2014]. Среди других вероятных факторов влияния на выполнение обязательных требований эксперты ОЭСР отмечают степень профессионализма представителей государственного контроля (надзора)[1]. Проверка этого предположения может стать перспективным направлением будущей исследовательской работы.

[1] OECD Regulatory Enforcement and Inspections Toolkit (2018). Paris: OECD Publishing.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование позволяет утверждать, что уровень соблюдения российским бизнесом законодательных требований зависит от особенностей применяемой модели КНД. Факторами повышения этого уровня являются показатели, отражающие модель «процедурной справедливости» (согласие с результатами проверок и отсутствие неформальных платежей), а также показатель административных издержек, снижение которых предусматривается в рамках модели сотрудничества и отчасти в рамках риск-ориентированного подхода. Эти данные свидетельствуют о необходимости ориентации деятельности органов государственного контроля на минимизацию рисков и отказа от «карательной» модели, слабо влияющей на соблюдение законодательства.

Нетривиальным результатом исследования стало установление весьма незначительной зависимости выполнения обязательных требований от информированности хозяйствующих субъектов об этих требованиях. Такой вывод не отрицает потребности в информировании, но позволяет понять, что в российском контексте значимость данного фактора в сфере КНД несколько преувеличена.

Выявлены также различия в мотивах соблюдения бизнесом обязательных требований, являющихся предметом различных видов государственного контроля (надзора). Это свидетельствует о необходимости учета отраслевой специфики при реформировании КНД.

Оценка значимости факторов, от которых зависит выполнение законодательных требований в различных сферах, и оценка влияния доверия контрольно-надзорным органам со стороны бизнеса на соблюдение законодательства – перспективные направления дальнейших исследований.

В целом совершенствование КНД в России должно быть направлено на развитие элементов, присущих различным теоретическим моделям государственного контроля. Помимо принципов широко обсуждаемой риск-ориентированной модели важно развивать и принципы модели «процедурной справедливости», предполагающей беспристрастное отношение контрольно-надзорных органов к подконтрольным объектам, минимизацию коррупционных проявлений. Следует также обратить внимание на снижение административных издержек хозяйствующих субъектов, обусловленных государственным контролем.

Учет различных направлений совершенствования КНД особенно значим в условиях внедрения риск-ориентированных подходов к государственному контролю: ранжирование объектов по уровню рисков, периодичность и предмет проверок не должны приводить к необоснованной дискриминации одних хозяйствующих субъектов по сравнению с другими, а внедрение элементов модели сотрудничества, пред-

полагающей адаптацию КНД к специфике конкретных подконтрольных объектов, не должно становиться коррупциогенным фактором.

Отметим, что даже при оптимальном сочетании актуальных для хозяйствующих субъектов направлений совершенствования КНД необходим и пересмотр самих требований регулирования с целью сокращения избыточных положений и упрощения требований, нарушение которых не влечет потенциальной угрозы причинения вреда охраняемым законом ценностям. Респонденты, считающие установленные нормы деятельности необходимыми и достаточными, а также выполнимыми, реже допускают нарушения и чаще обеспечивают их устранение. Таким образом, применение «регуляторной гильотины», весьма успешное в зарубежной практике [Александров, 2019], является важным фактором соблюдения хозяйствующими субъектами обязательных требований и, в конечном счете, минимизации рисков причинения вреда охраняемым законом ценностям. ■

Источники

Александров О.В. (2019). «Регуляторные гильотины»: международный опыт устранения препятствий для бизнеса и инвестирования // Торговая политика. № 1 (17). С. 107–119.

Астафурова О.А., Запрягайло В.М., Лопухов Н.В. (2016). Неразрушающий контроль организаций малого и среднего бизнеса // Бизнес. Образование. Право. Т. 37, № 4. С. 26–31.

Валицкас Г., Юстицкис В. (2006). Соответствие поведения судей требованиям процедурной справедливости (на примере литовского судопроизводства) // Психологический журнал. Т. 27, № 4. С. 95–105.

Добролюбова Е.И., Шемончук И.С. (2020). Контрольно-надзорная деятельность в регионах: промежуточные итоги реформы // Государственное управление: электронный вестник. № 79. С. 207–228.

Кунин В.А., Упорова И.В. (2019). Риск-ориентированный подход контрольно-надзорной деятельности: международный опыт и особенности применения в российских условиях // Экономика и управление. № 2 (160). С. 59–68.

Масленникова Е.В., Добролюбова Е.И., Южаков В.Н. (2020). Статистика и социология результатов контрольно-надзорной деятельности // Экономическая политика. Т. 15, № 1. С. 90–107.

Ноздрачев А.Ф., Зырянов С.М., Калмыкова А.В. (2017) Реформа государственного контроля (надзора) и муниципального контроля // Журнал российского права. Т. 249, № 9. С. 34–46.

Поздняков А.Н. (2018). Анализ эффективности надзорной деятельности в сфере охраны труда в Российской Федерации // Вестник Томского государственного университета. Экономика. № 41. С. 127–144.

Скугаревский Д., Титаев К., Кудрявцев В. (2016). Влияние плановых проверок на деятельность организаций. Санкт-Петербург: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге.

Чаплинский А.В., Плаксин С.М. (2016). Управление рисками при осуществлении государственного контроля в России // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 7–29.

Шаститко А.Е., Плаксин С.М. (2013). Эффекты штрафных санкций: от теории к практике // Вопросы государственного и муниципального управления. № 3. С. 110–131.

Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. (2017). Результативность контрольно-надзорной деятельности государства глазами бизнеса. Москва: Издательский дом «Дело» РАНХиГС.

Южаков В.Н., Добролюбова Е.И., Покида А.Н., Зыбуновская Н.В. (2019). Реформа контрольно-надзорной деятельности государства: оценка с позиции граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. № 2. С. 71–92.

Almond P., Esbester M. (2018). Regulatory inspection and the changing legitimacy of health and safety. *Regulation and Governance*, vol. 12, no. 1, pp. 46–63. https://doi.org/10.1111/rego.12155.

Bardach E., Kagan R.A. (2017). *Going by the book: The problem of regulatory unreasonableness.* New York: Routledge.

Becker G. (1968). Crime and punishment: An economic approach. *Journal of Political Economy*, vol. 76, pp. 169–217.

Blanc F. (2018). *From chasing violations to managing risks*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Blanc F., Faure M. (2020). Smart enforcement in the EU. *Journal of Risk Research,* vol. 23, pp. 1405–1423. DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800.

Boyne G., Day P., Walker R. (2002). The evaluation of public service inspection: A theoretical framework. *Urban Studies*, vol. 39, no. 7, pp. 1197–1212.

Demeritt D., Rothstein H., Beaussier A.-L., Howard M. (2015). Mobilizing risk: Explaining policy transfer in food and occupational safety regulation in the UK. *Environment and Planning*, vol. 47, no. 2, pp. 373–391.

Earnhart D., Harrington D.R., Glicksman R. (2020). The effects of enforcement on corporate environmental performance: The role of perceived fairness. *Review of Law and Economics*, vol. 9, no. 2. DOI: 10.1515/rle-2019-0012.

Hagqvist E., Vinberg S., Toivanen S., Hagström M., Granqvist S., Landstad B.J. (2020). Falling outside the system: Occupational safety and health inspectors' experiences of micro-enterprises in Sweden. *Safety Science*, vol. 125. DOI: 10.1016/j.ssci.2020.104631.

He C., Han G., Liu Y. (2019). Food safety satisfaction in China and its influencing factors: Empirical study with a hierarchical linear model. *Safety,* vol. 5, no. 1. DOI: 10.3390/safety5010017.

Ho D.E., Sherman S., Wyman P. (2018). Do checklists make a difference? A natural experiment from food safety enforcement. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 242–277.

Masud A., Manaf N., Natrah S. (2014). Do trust and power moderate each other in relation to tax compliance? *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 164, pp. 49–54.

Maudoux J., Saegerman C., Rettigner C., Houins G., Van Huffel X., Berkvens D. (2006). Food safety surveillance through a risk based control programme: Approach employed by the Belgian federal agency for the safety of the food chain. *Veterinary Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 140–154.

Monk J. (2012). *Reform of regulatory enforcement and inspections in OECD Countries*. Paris: OECD Publishing.

Murphy K. (2005). Regulating more effectively: The relationship between procedural justice, legitimacy, and tax non-compliance. *Journal of Law and Society,* vol. 32, no. 4, pp. 562–589.

Parker C. (2006). The "compliance" trap: The moral message in responsive regulatory enforcement. *Law and Society Review*, vol. 40, no. 3, pp. 591–622.

Salguero-Caparrós F., Pardo-Ferreira M.C., Martínez-Rojas M., Rubio-Romero J.C. (2020). Management of legal compliance in occupational health and safety. A literature review. *Safety Science,* vol. 121, pp. 111–118. https://doi.org/10.1016/j.ssci.2019.08.033.

Samasoni J., Rotimi J.O.B. (2016). Perceptions of regulatory building inspectors and designers on the proposed risk-based inspection regime in New Zealand. In: *Proceedings of the 32nd Annual ARCOM Conference*, pp. 227–236.

Shukla S., Singh S.P., Shankar R. (2018). Evaluating elements of national food control system: Indian context. *Food Control*, vol. 90, pp. 121–130. https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2018.02.046.

Tyler T. (2006). *Why people obey the law*. Princeton: Princeton University Press.

Vainio A., Mäkiniemi J.-P., Paloniemi R. (2014). System justification and the perception of food risks. *Group Processes & Intergroup Relations,* vol. 17, no. 4, pp. 509–523.

Wallace R.B., Oria M. (2010). *Enhancing food safety: The role of the food and drug administration*. Washington, DC: The National Academies Press.

Worden R., McLean S. (2017). *Mirage of police reform: Procedural justice and police legitimacy*. Oakland: University of California Press.

Wu Y., van Rooij B. (2019). Compliance dynamism: Capturing the polynormative and situational nature of business responses to law. *Journal of Business Ethics*, 1–13. DOI: 10.1007/s10551-019-04234-4.

References

Aleksandrov O.V. (2019). «Regulyatornye gil'otiny»: mezhdunarodnyy opyt ustraneniya prepyatstviy dlya biznesa i investirovaniya [Regulatory guillotines: International experience in removing barriers to business and investment]. *Torgovaya politika – Trade Policy*, no. 1(17), pp. 107–119.

Astafurova O.A., Zapryagaylo V.M., Lopukhov N.V. (2016). Nerazrushayushchiy kontrol' organizatsiy malogo i srednego biznesa [Non-destructive testing of small and medium-sized businesses]. *Biznes. Obrazovanie. Pravo – Business. Education. Law*, vol. 37, no. 4, pp. 26–31.

Valitskas G., Yustitskis V. (2006). Sootvetstvie povedeniya sudey trebovaniyam protsedurnoy spravedlivosti (na primere litovskogo sudoproizvodstva) [Compliance of the behavior of judges with the requirements of procedural justice (on the example of Lithuanian legal proceedings)]. *Psikhologicheskiy zhurnal – Journal of Psychology*, vol. 27, no. 4, pp. 95–105.

Dobrolyubova E.I., Shemonchuk I.S. (2020). Kontrol'no-nadzornaya deyatel'nost' v regionakh: promezhutochnye itogi reformy [Inspection and regulatory enforcement activity in Russian regions: Intermediate reform results]. *Gosudarstvennoe upravlenie: elektronnyy vestnik – Public Administration E-Journal*, no. 79, pp. 207–228.

Kunin V.A., Uporova I.V. (2019). Risk-orientirovannyy podkhod kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti: mezhdunarodnyy opyt i osobennosti primeneniya v rossiyskikh usloviyakh [Risk-based approach to control and supervision: International experience and specific aspects of application in Russia]. *Ekonomika i upravlenie – Economics and Management*, vol. 2, no. 160, pp. 59–68.

Maslennikova E.V., Dobrolyubova E.I., Yuzhakov V.N. (2020). Statistika i sotsiologiya rezul'tatov kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti [Effectiveness of control and enforcement activities in selected areas: Statistics and sociology]. *Ekonomicheskaya politika – Economic Policy*, vol. 15, no. 1, pp. 90–107. DOI: 10.18288/1994-5124-2020-1-90-107.

Nozdrachev A.F., Zyryanov S.M., Kalmykova A.V. (2017) Reforma gosudarstvennogo kontrolya (nadzora) i munitsipal'nogo kontrolya [Reform of state control (supervision) in the Russian Federation]. *Zhurnal rossiyskogo prava – Journal of Russian Law*, vol. 249, no. 9, pp. 34–46. DOI: 10.12737/article_599d74421f88b5.06552344.

Pozdnyakov A.N. (2018). Analiz effektivnosti nadzornoy deyatel'nosti v sfere okhrany truda v Rossiyskoy Federatsii [Analysis of the effectiveness of supervisory activities in the field of labor protection in the Russian Federation]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika – Tomsk State University Journal of Economics*, no. 41, pp. 127–144. DOI: 10.17223/19988648/41/9.

Skugarevskiy D., Titaev K., Kudryavtsev V. (2016). *Vliyanie planovykh proverok na deyatel'nost' organizatsiy* [The impact of scheduled inspections on the activities of organizations]. Saint Petersburg: IRL Publ.

Chaplinskiy A.V., Plaksin S.M. (2016). Upravlenie riskami pri osushchestvlenii gosudarstvennogo kontrolya v Rossii [Risk management in the state control in Russia]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, no. 2, pp. 7–29.

Shastitko A.E., Plaksin S.M. (2013). Effekty shtrafnykh sanktsiy: ot teorii k praktike [Effects of penalties: From theory to practice]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, no. 3, pp. 110–131.

Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2017). *Rezul'tativnost' kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti gosudarstva glazami biznesa* [The effectiveness of control and supervisory activities of the state through the eyes of business]. Moscow: Delo RANEPA.

Yuzhakov V.N., Dobrolyubova E.I., Pokida A.N., Zybunovskaya N.V. (2019). Reforma kontrol'no-nadzornoy deyatel'nosti gosudarstva: otsenka s pozitsii grazhdan [Inspection and regulatory enforcement reform: Evaluation from the citizen perspective]. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya – Public Administration Issues*, no. 2, pp. 71–92.

Almond P., Esbester M. (2018). Regulatory inspection and the changing legitimacy of health and safety. *Regulation and Governance*, vol. 12, no. 1, pp. 46–63. https://doi.org/10.1111/rego.12155.

Bardach E., Kagan R.A. (2017). *Going by the book: The problem of regulatory unreasonableness.* New York: Routledge.

Becker G. (1968). Crime and punishment: An economic approach. *Journal of Political Economy*, vol. 76, pp. 169–217.

Blanc F. (2018). *From chasing violations to managing risks*. Cheltenham, UK: Edward Elgar Publishing.

Blanc F., Faure M. (2020). Smart enforcement in the EU. *Journal of Risk Research,* vol. 23, pp. 1405–1423. DOI: 10.1080/13669877.2019.1673800.

Boyne G., Day P., Walker R. (2002). The evaluation of public service inspection: A theoretical framework. *Urban Studies*, vol. 39, no. 7, pp. 1197–1212.

Demeritt D., Rothstein H., Beaussier A.-L., Howard M. (2015). Mobilizing risk: Explaining policy transfer in food and occupational safety regulation in the UK. *Environment and Planning*, vol. 47, no. 2, pp. 373–391.

Earnhart D., Harrington D.R., Glicksman R. (2020). The effects of enforcement on corporate environmental performance: The role of perceived fairness. *Review of Law and Economics*, vol. 9, no. 2. DOI: 10.1515/rle-2019-0012.

Hagqvist E., Vinberg S., Toivanen S., Hagström M., Granqvist S., Landstad B.J. (2020). Falling outside the system: Occupational safety and health inspectors' experiences of micro-enterprises in Sweden. *Safety Science*, vol. 125. DOI: 10.1016/j.ssci.2020.104631.

He C., Han G., Liu Y. (2019). Food safety satisfaction in China and its influencing factors: Empirical study with a hierarchical linear model. *Safety,* vol. 5, no. 1. DOI: 10.3390/safety5010017.

Ho D.E., Sherman S., Wyman P. (2018). Do checklists make a difference? A natural experiment from food safety enforcement. *Journal of Empirical Legal Studies*, vol. 15, no. 2, pp. 242–277.

Masud A., Manaf N., Natrah S. (2014). Do trust and power moderate each other in relation to tax compliance? *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, vol. 164, pp. 49–54.

Maudoux J., Saegerman C., Rettigner C., Houins G., Van Huffel X., Berkvens D. (2006). Food safety surveillance through a risk based control programme: Approach employed by the Belgian federal agency for the safety of the food chain. *Veterinary Quarterly*, vol. 28, no. 4, pp. 140–154.

Monk J. (2012). *Reform of regulatory enforcement and inspections in OECD Countries*. Paris: OECD Publishing.

Murphy K. (2005). Regulating more effectively: The relationship between procedural justice, legitimacy, and tax non-compliance. *Journal of Law and Society,* vol. 32, no. 4, pp. 562–589.

Parker C. (2006). The "compliance" trap: The moral message in responsive regulatory enforcement. *Law and Society Review*, vol. 40, no. 3, pp. 591–622.

Salguero-Caparrós F., Pardo-Ferreira M.C., Martínez-Rojas M., Rubio-Romero J.C. (2020). Management of legal compliance in occupational health and safety. A literature review. *Safety Science,* vol. 121, pp. 111–118. https://doi.org/10.1016/j.ssci.2019.08.033.

Samasoni J., Rotimi J.O.B. (2016). Perceptions of regulatory building inspectors and designers on the proposed risk-based inspection regime in New Zealand. In: *Proceedings of the 32nd Annual ARCOM Conference*, pp. 227–236.

Shukla S., Singh S.P., Shankar R. (2018). Evaluating elements of national food control system: Indian context. *Food Control*, vol. 90, pp. 121–130. https://doi.org/10.1016/j.foodcont.2018.02.046.

Tyler T. (2006). *Why people obey the law*. Princeton: Princeton University Press.

Vainio A., Mäkiniemi J.-P., Paloniemi R. (2014). System justification and the perception of food risks. *Group Processes & Intergroup Relations,* vol. 17, no. 4, pp. 509–523.

Wallace R.B., Oria M. (2010). *Enhancing food safety: The role of the food and drug administration*. Washington, DC: The National Academies Press.

Worden R., McLean S. (2017). *Mirage of police reform: Procedural justice and police legitimacy*. Oakland: University of California Press.

Wu Y., van Rooij B. (2019). Compliance dynamism: Capturing the polynormative and situational nature of business responses to law. *Journal of Business Ethics*, 1–13. DOI: 10.1007/s10551-019-04234-4.

Информация об авторе

Добролюбова Елена Игоревна

Кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований. **Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации** (119571, РФ, г. Москва, просп. Вернадского, д. 82, стр. 1). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru.

Information about the author

Elena I. Dobrolyubova

Cand. Sc. (Econ.), Lead Researcher, Center for Public Administration Technologies of the Institute of Applied Economic Research. **Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)** (82/1 Vernadskovo Ave., Moscow, 119571, Russia). E-mail: dobrolyubova-ei@ranepa.ru.